

Первая четверть (Жизнь Вани в юные годы)

Я скоро уйду... Из забвенья и мглы
Оглянусь на прощанье назад.
В нашем стареньком доме, где детство прошло
Всех родных я увижу опять.
Буду с ними сидеть за семейным столом,
Буду слышать голос отца,
И смотреть, как трепещет листва за окном
И мерцает над лесом звезда....

(По мотивам стих. А.Ахматовой «Заболеть бы как следует...»)

Глава I. Туманное детство.

Закончилась Война, сначала с немцами, потом с японцами. В начале сентября в небольшой квартирке деревенского дома открылась дверь и через порог ввалился серый от пыли и усталости человек. Оказавшись внутри, он тут же упал, растянувшись во весь рост на полу комнаты. Это был отец. С фронта до города он добрался на поезде, как и все демобилизованные, а от города до нашего села транспорта не было, и он пятьдесят километров шел пешком, таща на себе вещмешок и небольшой чемодан с трофеями.

А еще через год родился Ваня. Как-то так получилось, что Ваня родился не один. Вместе с ним родилась еще его сестра, Варвара, причем она-то как раз была первой, а Ваня – только вторым. Ваня, родившись, не сразу «предъявил себя», и его нужно было «откачивать». Мать, видя это, слабым голосом предложила: а, может, не надо, хватит, один уже есть? Но акушерка, держа крохотного сморщенного Ваню за ножки, на всякий случай шлепнула его еще разок, и тут Ваня заорал. Сомнения разрешились.

Родители у Вани были сельскими служащими. И хотя оба начинали учителями в начальной школе, учительского образования у них не было, оба окончили какие-то коротенькие курсы, в то время, до Войны, бывшие популярными – надо было решать кадровую проблему. Но, живя в деревне, в колхозе никогда не работали.

О самом раннем детстве у Вани сохранились немногочисленные, какие-то туманные и несвязанные воспоминания. Ване казалось, что он помнит (или ему об этом рассказали позже, а он думал, что сам запомнил?), как на него,

полутора-годовалого, стоящего неподвижно, как пенек, посреди двора, надвигается корова с опущенными к земле рогами. И быть бы беде, но мимо по улице проходил сосед Антип. Он живо перемахнул через забор и корову отогнал. Как Антип через забор прыгал, Ваня не помнит, да и не мог он этого видеть, поскольку стоял к забору спиной, но ему позднее рассказали и он ярко представлял себе всю картину так, как будто сам все видел. От этой коровы у Вани на всю жизнь остался какой-то необъяснимый, темный страх ко всем животным. Он боялся не только собак или зверей побольше, но боялся взять в руки даже дождевого червя. Особый страх у него вызывали почему-то мохнатые гусеницы. Ему казалось, что они могут нанести ему ущерб, откусить, например, кусочек пальца. И хотя умом он понимал, что такое невозможно, но в руки взять не мог. Позднее, лет через шестьдесят, семилетняя Ванина внучка потешалась над ним, пытаясь впихнуть ему целую пригоршню дождевых червей, а Ваня изо всех сил отбивался.

Как-то раз старшая сестра с подружками пошли в лес, росший на горе недалеко от дома. Сестре уже исполнилось целых одиннадцать лет, и младшие оказались почти полностью на ее попечении. Поэтому взяли с собой и двухлетних Ваню с Варварой, а куда их деть? В лесу был огромный овраг. По склону оврага после дождя образовались промоины из чистого и мелкого песка. Ваню с Варварой сажали в этот желоб, и они скатывались вниз. Никого из старших детей Ваня не запомнил, но овраг с желобом и особенно восхитительное ощущение нежной кожей мягкого прохладного песка остались в памяти надолго, навсегда. Позднее, лет в семнадцать, Ваня разыскал в лесу этот овраг, и удивился его незначительности. Его глубина была всего метра полтора-два. То-ли его затянуло со временем, то-ли первоначальные Ванины впечатления были ошибочными, осталось не ясным.

Еще Ваня помнил (но это уже точно), как они с сестрой заболели (они всегда болели вместе), и отец поил их из ложки лекарством. Ваня стоит у стола, а отец наклоняется к нему с ложкой, и на его лице неестественная улыбка, как будто бы лекарство необыкновенно вкусное и отец, оказавшись больным, с удовольствием пил бы его сам.

Когда Ване исполнилось три года, его душу стало что-то томить. Он начал просить старших сестру и брата почитать ему книжку. В то время из книжек в доме водились лишь учебники для начальной школы, и Ване стали читать историю для пятого класса, причем почему-то все время одно и то же место, где рассказывалось о царе Иване Грозном. Вскоре Ваня отрывок запомнил и сам стал «читать», водя пальцем по странице и вслух воспроизводя текст.

Родители делали вид, будто верили, что Ваня читает взаправду, и выражали притворное удивление. Но этого Ване было мало. И тогда, пристроив учебник и листок бумаги из школьной тетради на табурете, а сам став на колени, начал карандашом перерисовывать буквы. Из этих букв у него складывались строчки. Родители Ваню хвалили, но учить читать и писать по-настоящему не стали – времени не было.

Считать Ваня сам научился. Считать до двадцати было совсем просто. Для этого у Вани в голове сложился простой алгоритм счета, каким, наверное, пользуется большинство людей. Например, если нужно было сложить 8 и 5, Ваня сначала мысленно докладывал число восемь до десяти, заимствовав для этого две единички у пятерки, а уж потом прибавлял к 10 оставшийся от пятерки кусочек в три единички. Когда однажды к ним заехал брат матери, дядя Андрей, и, решив проверить слух о Ваниных успехах в арифметике, попросил Ваню сложить 7 и 9, Ваня ответил без колебаний и правильно. Пораженный дядя Андрей задумчиво погладил Ваню и сказал: Ленинская голова!

Повзрослев лет до пяти, большую часть времени Ваня стал проводить на улице, со сверстниками. Летом - с утра до вечера. Одежды – самый минимум, подвижности, прыгучести, выносливости – максимум, хватало на целый день с краткими посещениями дома, чтобы поесть. Обычно игры продолжались до темноты. Когда начинало смеркаться, в темнеющем небе на огромной скорости проносились стрижи, то ли гонясь друг за другом, то ли просто не умея двигаться иначе. Их пронзительный писк и сейчас еще стоит в ушах. В то время Ване казалось, что и он, и небо, и стрижи – не сами по себе, а все одно пространство, одна среда, и он ее часть. Эти летние теплые вечера в деревне! Сейчас, когда сильно постаревший Ваня пытается вызвать самое светлое воспоминание о детстве, у него перед глазами встают полосы света от закатного солнца, уже свалившегося за высокую скалистую красавицу-гору на западной окраине села, мерцающий теплый воздух с маленькими, стремительно несущимися черными комочками высоко в небе и сам пятилетний Ваня, загорелый, почти раздетый, стоящий на середине пыльной деревенской улицы.

Жить становилось все труднее. Отец занедужил болезнью, которая поразила в то время многих прибывших с фронта, и от него часто не было проку для семьи. Однажды летом, когда Ваня стоял на крылечке у дома, в ограду вошел отец с перекошенным лицом и мутным, недобрым взглядом. Нетвердой походкой он прошел в угол двора, за поленницу, и там остановился.

Повернув голову, он посмотрел на Ваню. Ваня тоже смотрел на отца, не в силах понять, что происходит: Ваня впервые видел отца, всегда приветливого и улыбающегося, таким агрессивным. Наконец, отец опустил голову. А еще через некоторое время он собрался и уехал. Его не было месяца полтора-два. А когда вернулся, то оказалось, что он теперь совсем не пьет. Ни капли. И многие годы, до самой его смерти, находились люди, даже родственники, которые во время застолья упрашивали: «Афанасий, ну давай хоть по одной, с одной-то ниче-е не будет!». Но отец был тверд: он то знал, что за первой обязательно последует вторая, потом третья....

Как управлялась мать с четырьмя детьми, сейчас трудно понять. Питались в основном картошкой и капустой. В магазине покупали только самое необходимое и недорогое. Но иногда бывали и праздники. Их устраивал дядя Андрей. Он работал в городе, на большом мясокомбинате, и мог купить то, что мясокомбинат продавал своим работникам за небольшие деньги. Однажды в начале зимы он привез большой мешок, из которого торчали какие-то длинные палки, похожие на бамбуковые, заостренные к концам. Дети недоверчиво смотрели на них, не понимая, что это такое. Оказалось, что это бычьи хвосты, точнее то, что от них оставалось, если снять кожу и обработать. На морозе они замерзли и стучали как деревянные. Отец отрубил половину одного самого длинного хвоста и разломал его на отдельные звенья. К обеду мать потушила их и поставила на стол. К всеобщему удивлению эти почти голые кости оказались удивительно вкусными (или просто сильно хотелось есть?) и все, большие и маленькие, долго и старательно грызли их, испытывая редкое удовольствие. Этот пир продолжался чуть не всю зиму!

В другой раз дядя Андрей привез (и опять мешок) копченых костей. Надо сказать, что в то время не было таких жульнических премудростей, как, например, «жидкий дым», и кости коптились по-настоящему. Это делало их необыкновенно вкусными. (Сейчас Ваня уже старый, ему приходится бороться с холестерином, но он пообещал себе, что, как только холестериновая угроза станет уже неактуальной, купить копченых костей и сделать себе, наконец, небольшой гастрономический подарок!). Кости были двух видов: одни гладкие, от нарубленных ребрышек, и мясные ленточки сдирались с них легко, другие шишкастые, от хребта. Мясо на них было больше и вкуснее, но сложный рельеф этих костей требовал немалой возни с ними. Поэтому детям приходилось каждый раз решать для себя сложную задачу: в какой последовательности нужно брать кости, чтобы успеть насытиться. Пока мать несла тарелку с горой дымящихся костей и ставила ее

на стол, все напряженно вглядывались в эту кучу, мысленно намечая ту, единственную, с которой нужно начать, отчетливо понимая, что вариантов будет немного. Ваня старался придерживаться наивыгоднейшей тактики: сначала он брал гладкие ребрышки, чтобы быстро и без помех добыть с них побольше мяса, а когда гора на тарелке истаявала и оставалась лишь последняя возможность поучаствовать в деле, выбирал хребтовую кость побольше, чтобы уже не торопясь насладиться ею.

Постарался и отец. Как-то осенью, в начале октября, он пропал. Мать не говорила, где он. Как позже выяснилось, отец со знакомыми мужиками ловил омуль, поднимающийся по реке на нерест. Этот промысел запрещен, но другой возможности поддержать семью у отца не было. Мужикам приходилось не сладко. Охрана постоянно патрулировала береговую кромку, как по суше, так и с воды, и могла прошить автоматной очередью людей, замеченных на реке. Так что приходилось подолгу прятаться на берегу, а если застигнут, то и в ледяной воде. Домой отец вернулся недели через две, ночью, тайком перенеся улов в кладовку. На следующий день они с матерью разделали рыбу, переговариваясь шепотом и строго-настрого запретив детям болтать о чем-нибудь на улице. С этих пор каждый вечер мать выставляла на стол пару омульков, принесенных из холодных сеней и еще с льдинками на чешуе, и тарелку дымящейся картошки в мундирах. После той зимы Ваня на всю жизнь сохранил любовь и уважение к омулю, предпочитая его любой другой рыбе. Когда Ваня, уже став взрослым, иногда привозил домой из ставших далекими родных краев омуль, вовремя выловленный и профессионально, т.е. умелой хозяйкой, посоленный, его сыновья в первый раз ели рыбу с некоторым разочарованием, как будто ждали чего то значительно большего, но через пару дней их отношение резко менялось.

Почему-то эти трудные годы запомнились Ване больше зимами. Летом Ваня пропадал весь день на улице, с ребятами, и вольная, теплая жизнь поглощала его целиком. Зимой же дети больше времени проводили дома: морозы под 40 градусов не располагали к прогулкам. И хотя Ваня вряд ли сознавал трудное положение семьи, но общее гнетущее состояние, усиленное нескончаемыми морозами, передавалось и детям. Однажды в начале марта, когда холода еще не отпустили, Ваня был дома. Открылась дверь, и в клубах холодного воздуха возникла фигура старшего брата. Громко рыдая, он, как был, одетым, упал на кровать: Сталин умер! Известие всех поразило. Мысль была одна: как жить будем? Казалось, что без Сталина им не выжить. Несколько дней все ходили подавленными, со страхом прислушиваясь к каждому слову, вылетающему из трескучего бумажного репродуктора, висевшего большим

черным блином на стене. Родители разговаривали между собой вполголоса. Но, странное дело!, прошло время, зима отступила, и жизнь не ухудшилась, да уж, наверное, и некуда было. Где-то в то же время отец преодолел, наконец, свой недуг, стал нормально работать, как все люди, и семья почувствовала облегчение.

Старший брат решил даже подкопить денег. Он взял пустую консервную банку, прорезал в доньшке узкую щель и, перевернув банку вверх дном, прибил ее гвоздями к старому дощатому столу, стоявшему в сарайке вместе с другим хламом. Ване с Варварой эта идея очень понравилась. Они стали помогать брату добывать где можно медные копейки и частенько забегали в сарайку посмотреть в щелочку банки, пытаясь разглядеть, что там уже накопилось. Так прошла неделя и вдруг старший брат, зайдя, как обычно, в сарайку, обнаружил копилку искореженной и валяющейся на полу, а все сбережения – исчезнувшими. Поднялся большой шум и плач. Искали виновника, но никто не сознавался. Подозрения, однако, пали на Варвару. Что-то больно часто, чаще других, она крутилась возле сарайки. Пришлось отцу разбираться в этом темном и запутанном деле. Он усадил детей вокруг себя на крылечке дома и еще раз поочередно спросил каждого, кто взломал копилку? Никто не признался, а старший брат при этом утирал горькие слезы. Тогда отец прямоком обратился к Варваре:

- Варя, ты взяла деньги?

- Нет – решительно ответила Варвара.

- Тогда кто же?

- Не знаю.

- Может, кулаковская коза? – как бы с сомнением предположил отец.

(В соседнем доме жили Кулаковы, державшие, среди прочей живности, белую пучеглазую козу, целыми днями свободно разгуливающую между дворами. Наверное, у нее было какое-то имя, но все ее звали просто кулаковской козой).

- Да! – неожиданно выпалила Варвара. – Точно! Я видела! Она зашла в сарайку и вот так, рогом, рогом! – Варвара при этом нагнула голову и стала энергично мотать ею вверх-вниз, показывая, как кулаковская коза взламывает копилку, и косицы ее летали в разные стороны.

- А потом, наверное, взяла деньги и пошла в магазин за конфетами... – неторопливо развивал Варварину фантазию отец. Тут Варвара как-то осеклась, но настаивать на своем продолжала. Впрочем, всем все стало ясно, и на этом расследование закончилось. Отец выделил старшему брату небольшую компенсацию и тот успокоился. С тех пор многие годы любые

нестандартные события, происходившие в семье, объяснялись неблагоприятными действиями кулаковской козы.

Когда Ване с Варварой стукнуло почти семь лет, они засобирались в школу, но напрасно. В тот год детей было много и классов на всех не хватало, а Ване с Варварой до семи еще нужно было расти целый месяц. Школьный двор был обнесен невысоким забором из штакетника, и Ваня с Варварой часто подходили к нему, с тоской глядя через широкие щели на друзей, высыпавших во двор во время перемены. Но однажды счастье улыбнулось и Ване с Варварой. К ним подошла худенькая пожилая учительница Валентина Петровна, и строго спросила: «Чего стоите? Бегите домой, скажите маме, чтоб вас покормила, и приходите учиться». Как потом выяснилось, в школе организовали дополнительный класс, и это решило судьбу детей. Ваня с Варварой пулей понеслись домой и уже через полчаса, наскоро перекусив и сложив нехитрый школьный инвентарь в заранее сшитые матерью сатиновые сумки, летели в школу.

Глава II. Начальные классы.

На следующее лето, в августе, Ваня с Варварой решили заработать деньги и купить настоящие портфели. Собственно, вариантов для заработка было немного, а точнее один. Нужно было нарвать бурьян, связать из него веники и сдать в местный Потребсоюз, где их принимали по рублю за штуку. В наших краях эти веники используют для подметания пола. Обычно ребяташки рвали бурьян на окраинах села, но так поступали любители, а для промышленной профессиональной заготовки это было несерьезно. Решили уйти подальше. Но одним идти было страшновато, поэтому сколотили артель, человек пять, взяли по куску хлеба и пошли. Пошли по направлению к городу, перевалили через Окуневку, где, по их мнению, бурьян должен расти намного гуще и выше, и через пару часов достигли цели. Оказалось, что они не ошиблись в расчетах, бурьян в этих местах действительно рос вольно и в таком количестве, что хватило на всех. Быстро нарвали, сделали вязанки, перекусили и двинулись назад. Было уже за полдень. Солнце палило прямо в макушку и стало жарко. А груз, как его нести? Ведь когда рвали, всем хотелось побольше, даром же растет, да и зря, что ли, тащились в такую даль? В результате вязанки получились тяжелые и неудобные. Пробовали тащить за спиной, но веревка резала плечо, а груз все норовил сползти вниз. На голове? Вроде не сползает, но начинают болеть шея и заплетаться ноги. А идти километров шесть, из них первые два – в гору. И вот только сейчас

артель задумалась: зачем так далеко забрались? Но делать нечего, надо возвращаться. Ваня еще как-то терпел, мужчина все-таки, а бедной худенькой Варваре пришлось совсем туго. Чуть-чуть от нее убавили. Один или два раза их обогнал редкий в ту пору грузовик, полуторка, но не остановился. Да и мог ли, ведь он сам еле-еле, с подвыванием, полз в гору со скоростью, едва позволявшей ему обогнать кучку ребят. Так, изнемогая, перекладывая вязанку с головы на плечи и обратно, с частыми отдыхами, добрались до вершины горы. Стало веселей. Во-первых, теперь только вниз, под-гору, во-вторых, скоро уже и дом будет виден. Как усталые, потные, голодные к вечеру доплелись до дому, они не помнят. Но настал следующий день, и все образовалось как нельзя лучше. Отец сам связал веники и организовал их сдачу. А еще через день Ваня с Варварой получили зарплату по тридцать рублей каждому. Этого как раз хватило на портфель и все необходимые принадлежности. И хотя их новые портфели были точно такими же, как у других школьников, Ваня с Варварой очень гордились своими.

Походив пару месяцев в первый класс и одолев грамоту (т.е. научившись читать), Ваня решил, что пора записаться в библиотеку. Библиотека располагалась в покосившемся деревянном домишке в школьном дворе. Работала в ней пожилая одинокая женщина Надежда Ильинична. Жила она по соседству в другом деревянном домишке и, необремененная хозяйством, почти все время проводила в библиотеке. Там она располагалась за небольшим столом прямо перед входной дверью, просматривая и заполняя какие-то бумажки. Посетителей было мало, и Надежда Ильинична искренне радовалась всем, не упуская возможность поговорить немного с каждым. Когда Ваня открыл толстую скрипучую дверь и оказался на пороге, Надежда Ильинична с удивлением и улыбкой посмотрела на него. Да и как было не удивиться, когда представший перед ней новый читатель даже в шапке едва доставал до дверной ручки! (В то время Ваня был невысоким, и в школе на классной линейке, где учеников выстраивали по росту, всегда оказывался в самом конце). Надежда Ильинична подробно расспросила Ваню, чей он, где живет, в каком классе учится, после чего разрешила пройти в небольшое хранилище, начинавшееся прямо за ее спиной, и выбрать книгу. В то первое посещение библиотеки Ваню поразили две вещи: какие-то необыкновенной толщины книги, стоящие на одной из нижних полок (таких толстых книг Ваня никогда прежде не видел), и стойкий, ни с чем несравнимый, запах бумажной библиотечной пыли. Надежда Ильинична показала ему полку, где стояли самые тоненькие книжки, и он не торопясь принялся их

рассматривать. Для начала Ваня выбрал две книги. Одна содержала историю о ежике, который заготавливал яблоки на зиму, а вторая называлась «Подружки идут в школу». С тех пор прошло уже много-много лет, а картинки на книжных обложках, на одной - ежик с яблоком на спине, а на другой - две девчонки в белых школьных фартуках и с портфелями в руках, все еще остаются в Ваниной памяти.

Первые годы Ваня учился как бы «не сознавая себя». Не особенно старался, да и некогда было. Во-первых, Ваня пристрастился читать книжки, а на это уходило много времени. Во-вторых, теперь и зимой стало больше дел на улице. Поэтому домашние задания делались всегда абы как, на скорую руку. Но Ване помогала его память, ничем не захлавленная в те годы, и он хорошо помнил все, о чем говорилось на предыдущем уроке (и не только: он мог ясно, в деталях, вспомнить почти каждый день всей прошедшей жизни за несколько лет). Кроме того, Ваня писал, почти не делая ошибок. Правда, в первые же дни школы Ваня сильно сконфузился, написав слово «корова» с буквой «а». Но ему объяснили, что не все пишется так, как слышится, и дальше пошло лучше. Позднее Ваня узнал, что довольно часто встречаются люди, пишущие грамотно не потому, что знают правила правописания, а интуитивно. Ваня подумал, что грамотным человека делает его слух. У кого есть музыкальный слух, тот и пишет правильно, причем не раздумывая, «на автопилоте». Однако доказать или опровергнуть этот тезис как-то не довелось.

Первым поводом к «осознанию себя» послужил, к сожалению, неприятный случай («не было бы счастья, да несчастье помогло!»). Как-то летом, в августе, Ваня, забегая на кучу приготовленных для строительства бревен (удачное место для игр!), оступился, упал и сильно ударился головой. Говорили: «стряхнул голову!». Дело дошло до больницы, но местные врачи ничем помочь не смогли, понадобилось диагностическое оборудование, которого в деревне не было, и Ваню направили в Город. В то время в Городе общественного транспорта почти не было, и матери пришлось водить не совсем вменяемого Ваню за руку по каким-то высохшим каменистым пустырям от одной больницы к другой под еще жарким солнцем. Так продолжалось несколько дней. Наконец, врачи были удовлетворены, прописали уколы и запретили Ване учиться до самого Нового года. Ваня испугался: а если отстанет в учебе и не догонит? Но прошло некоторое время, Ванино здоровье восстановилось, и Ваня стал вести привольную жизнь, которая ему очень понравилась. Утром Ваня не спеша подымался с постели, когда Варвара была уже в школе, не спеша завтракал и шел на

улицу. Осень стояла теплая, все друзья были в школе, и Ваня неторопливо прохаживался, оценивая все, что происходило вокруг. Вот, размахивая руками, широким шагом прошла мимо высокая худая женщина с повязкой на глазу по прозвищу «Камбала одноглазая». Она курила на ходу «беломорину» и привычно громко, на всю улицу, ругалась на кого-то очень плохими словами. (Ваня слова эти знал, да и как же иначе в деревне, где речь некоторых жителей, не всех!, только из них и состояла). Мужики ее не то чтобы побаивались, но старались не связываться: при случае она могла сдачи дать, да еще и ославить на всю деревню. Вот проехал незнакомый мужик на телеге, видно из соседнего села. Ваня не упустил случая, телегу догнал и запрыгнул на задок. Мужик сделал вид, что не заметил, но и Ваня не нагличал, прокатился немного и спрыгнул. Потом Ваня шел к матери на работу. Мать в то время заведовала продуктовым складом в Потребсоюзе. Склад был недалеко: только перейти улицу и обогнуть забор. На проходной сидел сторож, но Ваню пускали: знали, к кому шел. Склад на самом деле был просто амбаром средних размеров, где по стенкам стояли мешки и ящики, а посередине, ближе к входу, располагались большие напольные весы с плоскими гирьками. В тот день Ваня обнаружил на складе большую кучу мешков около одной из стен. Оказалось, что это поступили сухофрукты из Средней Азии. Ваня забрался на кучу и на одном из мешков обнаружил круглую дырочку, небольшую, размером с трехкопеечную монетку, но вполне пригодную для того, чтобы пальцем выковырять сушеный урюк или даже грушу. Ваня, лежа на мешках, блаженствовал! Мать, покосившись на Ваню, ничего не сказала. В то время порядки в стране были строгими, но допустимый процент на усушку и утруску продуктов существовал, поэтому небольшая потеря в весе прощалась. Да и как могла мать запретить Ване съесть несколько штук, ведь ребенок больной, и фруктов от рождения не видел, не было их в деревне.

Так Ваня комфортно проводил время. Но дни шли, наступил Новый год, а потом и третья четверть в школе, и Ваня снова сел за парту. Первое время Ваня сидел молча, стараясь постичь то, что делается на уроке. Но через пару недель Ваня робко поднял руку и ответил на вопрос учителя. Дальше пошло еще лучше, и к концу учебного года Ваня уже стал одним из первых учеников в классе. И тут Ваня впервые осознал свою силу в учебе. Ваня не зазнался, нет, но стал как-то даже внимательнее относиться ко всем предметам, чтобы «не терять высоты», как сказал бы он сам лет через тридцать.

Тем временем предметы в школе понемногу усложнялись. На следующий год в математике появилось новое действие – квадратный корень. То ли Ваня

был чем-то занят на уроке и прослушал, когда его объясняли, то ли детский его ум еще был не развит, но, делая уроки, Ваня вдруг обнаружил, что не понимает, что означает этот новый значок. Раньше Ваня, не желая особенно разбираться в мудреной задачке типа «если килограмм гречки стоит столько-то, а два килограмма сахара столько-то, то сколько будет стоить ...», подходил к отцу, и тот охотно помогал ему, поскольку такие задачки отцу приходилось решать каждый день. Но в этот раз он посмотрел в учебник и переспросил: «квадратный корень?». «Да», ответил Ваня. Отец радостно рассмеялся: «Все, этого я уже не знаю!». Тут и Ваня не то чтобы понял, а почувствовал: все, надо начинать жить серьезно и дальше продвигаться самому.

В первые годы учебы семья проживала в маленькой «казенной» квартире в центре села. Зимы были очень холодными, а печка – плохонькой, и тепла долго не держала. Поэтому приходилось с вечера натапливать ее как следует, чтобы хватило до утра. Но мало было истопить, нужно еще вовремя закрыть печную задвижку, чтобы тепло не уносилось наружу. Дело это не совсем простое, как может показаться: закроешь раньше времени, печка окажется с угаром, закроешь позже, упустишь тепло. Обычно задвижку закрывали отец или мать перед сном. Но два раза они ошиблись. И тогда могло случиться непоправимое, но родители, вовремя почувствовав ночью угарный газ, вскакивали и спасали крепко спавших детей. Сразу всех выводили на воздух, а позже, отдышавшись и проветрив жилье, отпаивали чаем с брусникой. И все вместе сидели за столом до утра, стоически перенося сильную боль в голове.

Школьный день для Вани с Варварой начинался затемно (зимой поздно светает). Их, сонных и вялых, мать поднимала и отправляла умываться и одеваться. Закончив кое-как эти процедуры, садились завтракать. Потом наскоро гладили пионерские галстуки, потеряв их о бок пузатого горячего самовара, тускло блестевшего на столе прямо перед ними, и бежали в школу. В пятидесятые годы зимы в Сибири были очень холодными. Обычно в январе целую неделю стоял сорокоградусный мороз. Если температура опускалась еще ниже, по деревенскому радио школьников извещали, что занятия отменяются. Дети были довольны: их радовала даже не сама возможность не ходить в школу, а то, что оповещение обращено именно к ним, как ко взрослым, что о них помнят, заботятся. В такие дни мать, выглянув утром в низкое, наполовину замерзшее оконце, с тревогой смотрела на дым из труб соседних домов, который не поднимался вверх, как обычно, а стелился по земле. Конечно, мать боялась за детей, которые были одеты бедновато, не по такой погоде. Обычно Варвара ходила в потертом пуховом

платке и ватном пальтишке, а Ваня – в шапке и телогрейке, на ногах – валенки. В самый холод мать наворачивала ребятам газеты на ноги поверх обычных портяночек: для тепла. Дорога в школу занимала немного времени, минут пятнадцать, но дети все равно успевали замерзнуть так, что незащищённая кожа на лице деревенела, а пальцы в рукавичках начинало щипать от боли.

Придя из школы и пообедав, Ваня с Варварой садились за тот же кухонный стол делать уроки. Поскорее покончив с этим, Ваня брал книжку и устраивался поудобней. Как-то раз зимой, когда Ваня оказался один дома и сидел «с книжечкой», как, сердясь, язвительно говорила Варвара, открылась дверь и вошли трое незнакомых мужиков. Они вполне дружелюбно и не грубо попросили Ваню дать им стаканы и разрешить посидеть немножко. Ваня разрешил, а как бы он мог иначе? Мужики сели за стол рядом с Ваней и достали бутылку водки. Надо сказать, они понимали, что сидеть долго и тем самым подвести Ваню нельзя, поэтому бутылку выпили хоть и спокойно, но споро. Уходя, они в знак благодарности оставили Ване кусок докторской колбасы. Ваня некоторое время с недоумением смотрел на нее. Что делать? Съесть? Но как-то совестно есть одному, втихаря. Оставить, чтобы всем досталось? Но тогда родители узнают, что Ваня наделал, и будут ругать его. Ваня посидел, подумал и выбрал первый вариант.

В то время каждый год школа устраивала в клубе концерт. Жители села любили эти концерты, и зал обычно был полон. Да и как иначе, ведь на сцену выходили их дети. К тому же, заезжие артисты нечасто баловали сельчан. Начиная с третьего класса, Ваня с Варварой были неизменными ведущими этих концертов, «объявляли номера». Столь важным назначением они отчасти были обязаны своим звонким голосам и отличной дикцией, отчасти тому, что составляли идеальную пару, поскольку были единственными среди школьников двойняшками, что их выделяло в глазах сельчан, особенно женщин. Вот тяжелые шторы занавеса раздвигаются, и Ваня с Варварой с разных сторон выходят к краю сцены. Первой объявляет Варвара: «Начинаем концерт..... средней школы». В зале гремят аплодисменты. Затем выдвигается Ваня: «Первым номером нашей программы выступает....». Опять аплодисменты. Первым номером обычно была «пирамида». На сцену выходила группа школьников разного возраста, в трусах и майках. Ответственный за номер физрук школы из-за кулис шепотом, слышным всему залу, отдавал команды: «Делай раз!», и крепкие старшеклассники брались за руки, а ребята помладше вставали к ним на плечи. «Делай два!», и школьники еще поменьше взлетали на плечи предыдущим, образуя уже

третий ярус. «Делай три!», и на вершине пирамиды непостижимым образом оказывался совсем уж незначительный пятиклассник и отдавал пионерский салют. В зале одобрительный гул, аплодисменты и испуганные вскрики: все построение немножко пошатывалось от напряжения и у некоторых зрительниц не выдерживали нервы. Но все всегда заканчивалось благополучно, и концерт продолжался. Варвара иногда выступала и с сольным номером. У нее был красивый и сильный голос, и она пела. Ваня тоже неплохо пел, но выступать со сцены не отваживался.

Глава III. Деревня.

Деревня, в которой проживала Ванина семья, принадлежала к старинным забайкальским поселениям. Две гряды гор образовывали долину, в которой узкой лентой с востока на запад километров пять тянулась практически единственная деревенская улица. Говорят, что когда-то давно, еще в начале восемнадцатого века, тех людей в России, кто не принял церковную реформу (т.е. крестился «щепотью», а не «кукишем»), ссылали в Сибирь на поселенье. Эти-то ссыльные, их называли «семейскими», и начали строиться здесь, образовав западное крыло села. Потом стали прибывать люди из других мест Сибири и застраивать оставшееся место. С тех пор вся восточная часть села называлась Сибирью, а живущие там называли себя сибиряками. А посередине села оказались не сибиряки, не семейские, а просто русские люди без специального обозначения. Ванина семья жила сначала на семейской стороне, потом посередине села, а потом снова оказалась в том дворе, где Ваня с Варварой родились. Рядом с их последним местом жительства стоял дом, построенный семейскими, как говорили, чуть ли не 200 лет назад. Он был сложен из могучих бревен, немного врос в землю, но не покосился и не сгнил. По-видимому, в те времена, когда село только начиналось, вокруг стоял величественный нетронутый лес, который сейчас уже не встречается.

Горы, окружавшие деревню, были постоянным источником увлечений всех ребят. Сначала, когда Ване с Варварой было лет пять-шесть, старший брат брал их с собой кататься на санках. Санки были самодельными, деревянными, а горы - высокими и крутыми. Разогнавшись с горы так, что глаза приходилось почти закрывать под напором ледяного обжигающего ветра, а душа уходила в пятки от страха, санки в конце спуска с разгону попадали на небольшой трамплин и взмывали вверх, отчего Ванино сердце вообще переставало биться в ожидании неминуемой катастрофы. Но все обходилось, хотя, конечно, случалось, и переворачивались при приземлении,

и тогда все трое катились кубарем кто куда. Домой возвращались покрытые толстым слоем льда и затвердевшего снега. Сняв с себя всю одеревенелую одежду и развесив ее для просушки, дети усаживались у печки и молча блаженствовали от проникающего до самых промерзших косточек тепла и сладкой ломоты во всем теле.

Чуть позднее Ваня перешел на лыжи. Первые его лыжи тоже были самодельными. Делал их старший брат из каких-то обструганных досточек. Сначала нужно было загнуть концы этих деревяшек так, чтобы они походили на лыжи. Для этого брат ставил большую кастрюлю с водой на плиту, погружал в нее концы заготовок и держал в теплой воде до размягчения дерева. Сырые и разбухшие концы он запихивал в какую-то щель и понемногу загибал. Затем, после высушивания, к деревяшкам прибивались полоски кожи, выполняющие роль креплений. Все, лыжи готовы! Оставалось только поставить ногу в крепления и покрепче обмотать валенок кожаными полосками, чтоб лыжи не свалились. Потом появились магазинные лыжи, которые, конечно, были лучше самодельных, но не намного.

На таких лыжах, часто их ломая, Ваня с друзьями катался до самозабвения. Надо сказать, что в деревне катание с гор было очень популярным занятием среди всех школьников, младших и старших, уже десятиклассников. Если выходной день выдавался теплым, то у высокой горы с крутым, но гладким спуском (каких в деревне была не одна), собиралась толпа, и самые старшие показывали класс, на огромной скорости скатываясь с вершины и эффектно тормозя внизу, поднимая облако снега. Маленьким, как Ваня, позволялось забираться не до самого конца, а съехать, например, с середины, но уж если по неразумности вскарабкался на вершину, с которой и смотреть-то вниз было страшно, то делать нечего, приходилось, холодея всем нутром, бросаться, очертя голову, вниз.

Накатавшись с высокой горы маленькие, по дороге домой, оттачивали мастерство в сравнительно небольших овражках. Верхняя песчаная кромка оврага выветривалась и превращалась в отвесный обрыв высотой около метра, а затем шел обычный спуск. Вот с такого-то трамплина, с места, и предстояло прыгнуть и удержаться на ногах. Сложность маневра состояла в том, что, если начинать его робко, с недостаточной скоростью, то передние концы лыж касались земли под обрывом, в то время как задние были еще на обрыве, и лыжи ломались под тяжестью хозяина. Поэтому нужно было подойти поближе к кромке и, собравшись, сильно оттолкнуться, так, чтобы успеть проскочить опасное промежуточное положение. Ванин друг Вовка

владел этим искусством в совершенстве, но и Ваня был неплох. Когда Ваня учился в пятом классе, в школе появился новый учитель по физике. Он был мастером спорта по лыжным гонкам и, тренируясь, избегал все окрестные горы. Однажды он увидел, как Ваня с Вовкой прыгают с трамплинов, и на следующий день с восхищением рассказывал об этом в школе.

Зимними вечерами в деревне мужчинам делать нечего. Никакими поделками они не занимались, не было надобности, телевизор еще не появился. И мужики часто ходили к знакомым в гости, посидеть, поговорить. К отцу приходил его брат, Михаил. В телогрейке, в серых высоких валенках, он садился у входной двери, не раздеваясь, хотя в доме было тепло, и никакими силами его нельзя было заставить пройти в комнату. Так они и сидели: отец за столом в кухне, а Михаил – в конце узенького коридорчика из кухни ко входу. Разговор был неспешным. Деревенские события были слишком мелкими для обсуждения, да и не любили они сплетничать, поэтому говорили, в основном, о политике, перекидываясь короткими фразами, иногда надолго умолкая. Эти паузы их нисколько не смущали. Ване нравилось слушать их неторопливую беседу, слышать их голоса. Он не вникал особенно в суть разговора, а просто с интересом следил, как и отец, и Михаил, пытались простодушно, на деревенский лад, представить прочитанное в газете или услышанное по радио, выдавая это за свой собственный анализ. Только один раз они по-настоящему взволновались. Оба прочитали книжку рассказов Конан Дойла. Прочитанное задело их за живое, поскольку во всех подробностях бурных и кровавых событий, творившихся вокруг великого сыщика, они «разобрались» так, как если бы сами в них участвовали. Подолгу и возбужденно они обсуждали и растолковывали друг другу смысл поступков героев рассказов, попутно восхищаясь умом автора. «И что характерно, он все объясняет!» - с жаром заключал отец, комментируя манеру писателя, и оба снова погружались в детали того, что происходило на улицах далекого города Лондона, ставшего на время родным.

Сам отец частенько ходил к знакомым старикам, деду Антону и бабке Антошихе. На самом деле бабку звали Авдотьей, но в деревне имена как-то не прививались. Ваня тоже любил бывать у них. Однажды, зайдя к ним зимой, Ваня увидел расхаживающего по двору деда Антона в какой-то легонькой фуфайке, с непокрытой седой головой и метлой в руках. Эта картинка запала Ване в душу: несмотря на возраст (ему было за 70), дед Антон оставался по-крестьянски здоровым и закаленным человеком, чему можно было только позавидовать. Дед Антон был не особенно разговорчивым, зато словоохотливая бабка с лихвой компенсировала

мужнину молчаливость. Это подвижная, худощавая старушка, с лицом, ставшим коричневым от времени, большими черными на выкате глазами, черными же вразлет бровями и горбатым носом, была истинным хозяином в доме. Больше всего она походила на цыганку или на бабу Ягу, но не злую и коварную, а веселую и озорную. Ходила в неизменном семейском наряде, т.е. сарафане, кичке и с крупными желто-коричневыми бусами на шее. Бабка расхаживала по двору в бесконечных крестьянских заботах, и если отдавала распоряжения, то делала это весело и незлобно, так, что ей никто не возражал. Никогда Ваня не видел бабку Антошиху задумчивой или печальной, никогда не слышал, чтобы она ругала кого-то. Долгое время бабка была как бы домашним Ваниным врачом. Все Ванины болезни она лечила одним способом. Когда у Вани образовался на руке небольшой нарыв от необработанной ранки, бабка повела его в амбар, сняла с полки литровую банку солидола, почерневшего от времени, и, зачерпнув полную ладонь, широким мазком положила чуть не на всю руку. Через два дня все прошло. В другой раз у Вани заболела нога, и опять бабка Антошиха, амбар, солидол и... нога как новенькая. Лет через десять Ваня, приехав домой на каникулы, узнал, что бабка Антошиха померла. Похоронили ее на солнечном пригорке немного в стороне от кладбища, но поближе к дому. Ваня с грустью посидел у ее неприметной могилки, вспоминая все светлые моменты детства, связанные с ней. Как оказалось, это был едва ли не единственный случай, когда Ваня сознательно, не по соблюдению обязательной даты, пришел на могилу человека, с которым не состоял в родстве.

У Вани иногда сильно болела голова после того, как он «стряхнул» ее. Тогда мать вела его к другой старухе, Лефашихе, «править голову». В противоположность Антошихе, Лефашиха была высокой, прямой, молчаливой старухой, с бледным худым лицом и глубоко посаженными выцветшими глазами. Она сажала Ваню на табуретку посреди пустого двора, вынимала из кармана тонкую старую бечевку и мерила окружность Ваниной головы, угольком делая отметку на бечевке. Потом она принималась мять голову, время от времени повторяя измерения, и каждый раз отметка на бечевке приходилась на другое место. То-ли Ванина голова уменьшалась, то-ли, наоборот, разбухала под ее руками, этого Ваня не узнал. Но минут через пятнадцать энергичного растирания боль проходила. Потом долгое время Ваня вспоминал эту процедуру и при удобном случае с улыбкой рассказывал о ней друзьям как о забавном деревенском чуде. Но поскольку головная боль часто преследовала уже взрослого Ваню, то однажды он задумался, а что же Лефашиха делала-то с ним? И вдруг, спустя каких-

нибудь пятьдесят лет, простое и очевидное объяснение пришло в его глупую башку: да она же просто массировала Ванину голову, приводя в норму сосуды под кожей, которые по каким-то причинам оказывались суженными (или, наоборот, расширенными, кто их знает) и создавали неправильное давление на примыкающую ткань. А раз так, то Ваня и сам может снимать боль. Он попробовал, и получилось! Надо только очень сильно, не жалея себя, пальцами растирать те участки под кожей, которые сама голова и подсказывала.

Когда Ваня с Варварой учились еще в четвертом классе, старшая сестра уже окончила школу и уехала в Город осваивать профессию бухгалтера. За ней последовал и старший брат, поступивший в ПТУ при заводе. Мать с отцом подкопили немного денег и купили дом (за 1200 руб., а всем говорили, что за 800). До сих пор они жили в казенной квартире. Новый дом был на самом деле не новым, а уже вполне приличного возраста, но для Телегиных он был первым собственным домом. При доме был большой участок, позволявший посадить огород, разбить небольшой сад и еще оставалось место для картошки. Дом этот стоял посреди двора («не в улицу», как говорили деревенские, и снисходительно кривили губы), по странному стечению обстоятельств как раз того самого, где когда-то, в раннем Ванином детстве, его чуть не забодала корова Майка. Во дворе напротив дома располагался амбар с сохранившимися чертами старинных деревенских построек. По деревенским меркам дом был средних размеров, с высоким крылечком и остекленной верандой, по стенам которой тянулись синие и розовые выюнки. Летом двор наполовину зарастал мелкой травой, что его только украшало, и по ней от ворот до крыльца тянулась песчаная тропка. Вокруг дома Телегины посадили сад и огородили его легким заборчиком, чтобы не забредали куры. Сад в Забайкалье не очень похож на настоящий. В саду у Телегиных росли кусты малины, смородины, сирень с черемухой, и одно дерево «сибирской яблони», иначе ранетки. После этого все окна дома стали выходить в сад. Через пару лет наняли двух плотников, которые поставили в огороде баню. А еще через некоторое время отец с Ваней (Ваня уже стал крепнуть к этому времени) соорудили в огороде небольшой бассейн, служивший не для купания, а как резервуар для воды, которой поливали огород. Почистили немного старый колодец и установили в нем электрический насос, а по всему саду и огороду протянули водопровод. В самом доме дальний родственник отца, искусный столяр, установил филенчатые двери между комнатами, покрасив их в яркий голубой цвет, отчего дом преобразился и помолодел. Так постепенно дом превратился в уютное жилище, в котором все, и

большие, и маленькие, любили бывать. Прошло время, дети разъехались, отец с матерью умерли, в доме стало некому жить и его пришлось продать. Как-то Ваня, уже совсем старик, получил по электронной почте фотографии, при виде которых у него сжалось сердце. Это были фото макета их старенького дома, сделанного Ваниным племянником Серегой и уже его внуком Дениской. Серега в детстве много времени проводил в этом доме, у деда с бабкой, и тоска по дому жила в нем так же, как у всех остальных.

В новом хозяйстве родители с энтузиазмом принялись сажать огород, благо было где. Лето в наших краях короткое и жаркое, но некоторые культуры успевали дать неплохой урожай, не смотря на жесткие условия. Отец, войдя во вкус после первых скромных опытов и, как многие мужчины, мыслящий масштабно, но не практично, решил резко увеличить огородное хозяйство. В то время он работал в организации, ведающий приемкой для мясокомбината скота у окрестных колхозов и населения. Он был начальником этой организации, а в штате, кроме него, состоял еще один человек, выполнявший функции сторожа. Надо сказать, рабочий график у отца был странным. Скот обычно сдавали только осенью, в августе-октябре, но массово, и тут приходилось работать так, что иногда даже не оставалось время для сна. Зато зимой и весной делать было практически нечего. В этой организации отец имел неограниченный доступ к тому, что в светском обществе стыдливо называют «органическим удобрением». И вот однажды в мае отец пригнал два больших грузовика с этой «органикой». Из нее он соорудил два длинных, метров по десять, парника, вдоль забора в огороде, а мать посадила в них огурцы. Все устроилось как нельзя лучше, парники немножко «горели», подогревая всходы в еще прохладные весенние дни, и они быстро развивались. Каждый день отец сам поливал их, выливая по ведру воды в каждую лунку. И вот, наконец, огурцы выросли, зацвели, и пришло время собирать урожай. В первый же раз собрали целый мешок огурцов! Родители ходили с довольными улыбками, а дети были просто счастливы. Они и не ожидали такого результата. Однако через два-три дня огурцы снова выросли и были собраны. Опять мешок! Родители по-прежнему улыбались, но уже как-то неуверенно. После третьего сбора, превысившего предыдущие, отец, не готовый к такому развитию событий, загрузил. Он сел на крылечко и

задумчиво опустил голову. Что делать? Куда их девать? Впереди еще почти месяц активной фазы созревания овоща, а все потребности семьи уже насыщены. Уничтожать выращенный урожай в деревне решится разве что сумасшедший, поэтому выход был только один: ходить по соседям и раздавать эти постылые огурцы, что и пришлось делать. Так что, в то лето ранних заморозков в начале августа ждали как избавление. Самое странное, однако, заключалось в том, что этот урок отца не образумил. Через три-четыре года он примерно по тому же сценарию навывращивал малину. И тоже пришлось раздавать. Так замечательные поначалу идеи превращались в нечто противоположное.

Перед домом, через полоску земли, вмещавшую другую сторону улицы, начиналась гора. Сначала шел пригорок с редкими кряжистыми соснами, затем начиналась основная гора, густо поросшая мелкими сосенками. На пригорке раскинулось семейское кладбище (сибиряки «разместились» в другом месте). Весной расцветал багульник, и поляны на склоне горы из бурых становились розовыми. Ребятишки, конечно, сразу устремлялись в лес по двое, по трое, но настоящий праздник начинался только после дождя. Когда, наконец, долгожданный дождик проливался, все вокруг приобретало удивительную ясность и чистоту, даже слабые и смешанные запахи становились различимыми. И тут ребята всем обществом шли в лес. Нежные цветы багульника, набравшие влагу, становились сочными и сладкими. Дети, не избалованные конфетами, наслаждались, пощипывая цветочки каждый со своего кустика. К вкусу цветов примешивался волшебный запах веток багульника. Этот запах иногда вспоминался взрослому Ване, когда он просыпался ночью и долго лежал без сна. Но в том месте, где Ваня теперь жил, багульник не рос.

А ближе к осени в лесу появлялись грибы. Почва вокруг деревни была песчаная, лес - из мелкого сосняка, на земле – толстый слой хвои. Поэтому грибов, милых сердцу европейского жителя, белых, подберезовиков и др., деревенские жители никогда не видели и не знали. Зато в их лесу рос рыжик. Отличный рыжик, твердый, крепкий, чистый и в некоторые годы многочисленный. Были еще какие-то грибы, название которых не все и знали, но их за грибы не считали, а если попадались - пинали. Небольшую добычу, которую обычно приносили Ваня с Варварой, мать жарила с картошкой. Это был отличный ужин! А настоящий сбор, когда счет шел на ведра, делал уже отец со старшим братом в конце сентября, и это все солилось на зиму.

Ваня, оказавшись позднее жителем Западносибирских равнин, иногда собирал рыжики и в здешних лесах, но никакого удовлетворения не получал. Западносибирский рыжик значительно уступал Забайкальскому по всем характеристикам, а главное – по вкусу. Как-то осенью Ваня с женой Лерой приехали к Ваниным родителям погостить. Конечно, пошли в лес посмотреть, как там рыжики? Лера привыкла собирать грибы в Ярославских лесах, где под огромной мохнатой елью на зеленой густой траве вдруг открывалась дружная крепкая семья во главе с самым большим и толстым красавцем-боровиком. Хоть бросай все и немедленно садись писать картину. И здесь она ожидала увидеть нечто подобное. Но ничего не было. Вокруг стояли худые сосенки и унылая ровная хвоя под ними. Неожиданно Ваня сделал два шага в сторону от тропы, зачем-то нагнулся и ковырнул ножичком хвою. В следующее мгновение в его руках засверкал на солнце невесть откуда взявшийся рыжик. Твердый, словно деревянный, с еще мокрой от росы желто-оранжевой шляпкой, с идеальным рисунком пластинчатых спор и аккуратным ярким колечком среза на ножке. Ваня с Лерой полюбовались находкой, но при этом Лера выразила удивление по поводу истории его обнаружения. Тогда Ваня объяснил, что искать-то нужно не сам гриб, он запрятан глубоко под хвоей, а небольшой холмик на хвое, как бы домик гриба. Пошли дальше. Ваня продолжал нагибаться и вытаскивать рыжики, а Лере ничего не попадалось, хотя Ваня и показывал ей грибные хатки перед тем, как вскрыть их. Настроение Леры заметно ухудшилось и она начала выражать недовольство тем, как сбор грибов происходит. Тогда Ваня подвел Леру прямо к грибному домику и предложил ей самой срезать рыжик. Но и в этом случае Лера не смогла его найти. Тут Лериному терпению пришел конец, на глазах ее закипели слезы, она обвинила всех – лес, рыжики, а в первую очередь самого Ваню, – во враждебном к ней отношении, и потребовала немедленно отвести ее домой.

В новом доме Телегины стали обзаводиться домашним хозяйством. Первым делом купили пару десятков маленьких желтых цыплят. Дети были в восторге, ведь куры нанесут много яиц и дадут много вкусного мяса. Но вот цыплята подросли и из коробки, ставшей для них тесной, вывалились во двор. А с ними вывалилась и целая куча хлопот. Надо было постоянно следить, чтобы они не пролезли в огород. Надо было заготавливать им какой-то корм. Наконец, их двор, всегда такой чистый, стал опасным для хождения. Ваня это почувствовал особенно остро, так как все лето проводил босиком. Так что, эйфория по поводу легкого и сытного житья с курами как то быстро прошла. Потом одно время держали уток. Те же проблемы. К тому же мать

почему то брезговала есть утиные яйца. Она не объясняла, почему, и все остальные ели их обычным порядком. Яйца, как яйца, только покрупнее куриных и желток не желтый, а какой-то буро-синий.

Держали и поросенка. Поросенок хоть, слава богу, сидел в своей загородке и не бегал по двору, хотя летом, в жару, очень даже напоминал о себе в любом уголке двора. Ваня и поросенка невзлюбил, потому что родители вменили в Ванины обязанности каждый вечер заготавливать для него целое ведро крапивы, а потом, мелко порубив ее, заваривать кипятком пополам с вареной картошкой или комбикормом. Пока Ваня это делал, поросенок визжал от нетерпения. Он вообще все время хотел есть. Но время шло, приходила осень, и поросенок превращался в тучную сонную свинью. Наконец, наступал ноябрь. В деревне домашний скот забивают на ноябрьские праздники (7 ноября). Для этого есть несколько важных технических причин. Во-первых, кончается трава (подножный корм, как говорят крестьяне) и держать скотину становится невыгодным. Во-вторых, холодильников для хранения мяса в то время не было, и осенне-зимние холода решали эту проблему. В-третьих, если летом можно было прожить огородом, то зимой требовалось более серьезное питание. Наконец, праздник наступал! У отца был знакомый, редкий специалист по забою скотины. Звали его старик Воробьев. Высокий, костлявый, с отвисшими усами, неторопливой походкой и неторопливой речью. Приглашался неизменно он. Отец с вечера приготавливал все, что нужно было для завтрашней операции: кучку дров для костра, свежую солому, чистые тряпки, ведра и прочее. Старик Воробьев приходил затемно, в начале пятого утра. Весь инструмент приносил с собой. Ване было любопытно посмотреть, как все происходит, и как только в доме начинали хлопать двери, вскакивал и Ваня. Покурив махорку, старик Воробьев с отцом некоторое время ходили вокруг загородки, оценивая обстановку: как ведет себя жертва, куда ее загнать, где лучше встать и т.д. Наконец, старик Воробьев вставал на выбранную позицию, поднимал старое ружьишко и прицеливался. Раздавался негромкий хлопок, и оглушенная свинья падала на бок. Вот тут, если промедлить, животное может вскоре опомниться и начать с невыносимым визгом метаться в разные стороны, круша все на своем пути. Этого допустить ни в коем случае нельзя. Поэтому уже в следующее мгновение старик Воробьев, демонстрируя совсем не стариковскую живость, оказывался рядом с поверженным животным и наносил точный удар ножом. В наше время не принято описывать жестокие сцены, пропустим и мы следующие несколько минут. Дальше начинался несуетливый процесс: мертвую уже свинью разрезали, вытаскивали внутренности, мыли, чистили, скребли, опаливали щетину на костре, удобно

укладывали на солому, обливали кипятком и укрывали чистой тряпкой. И тут, о, мгновенье!, Ваню с Варварой сажали верхом на свинью! Наверное, это нужно было для того, чтобы свиная шкурка, наиважнейшая часть сала, хорошенько отпарилась и стала нежной и мягкой. Звать Ваню с Варварой не было необходимости, они давно уже тут вертелись. На дворе стояло ясное осеннее утро, солнце еще не взошло, в воздухе пахло паленой щетиной, и Ване с Варварой было очень хорошо сидеть на теплой, мягкой туше! Так продолжалось минут десять-пятнадцать. Затем процесс разделки продолжался. Подходила мать с большим тазом и ей отрезали всего понемногу из различных мест: от печени, от сердца, от самого нежного мяса, какого-то особенного жира и бог знает чего еще. Мать нарезала все это вместе большими кусками на огромную сковороду и готовила свежинку (так это называлось в деревне). Наконец, мужчины завершали дело, прибирали за собой, мыли руки и все садились за стол. Старик Воробьев выпивал стаканчик водки, вытирал усы и первым цеплял на вилку кусок свежинки. Это время ушло, ушло! Никогда, никогда уже холодным предзимним утром Ваня не окажется за тесным деревенским столом в кругу дорогих ему людей и не попробует лучшее на свете блюдо - свежинку!

Пару раз для Вани с Варварой покупались путевки в пионерлагерь. Лагерь этот располагался на Байкале, точнее, на берегу живописного теплого залива Сора. Жизнь в лагере была интересной. В заливе водилась рыба, и однажды ребята выловили толстого краснополосого окуня. Прямо напротив лагеря, метрах в двухстах, был небольшой заросший островок, и когда ребята тайком, в «мертвый час», перебрались на него на самодельном плоту, то обнаружили россыпи ежевики, какую Ваня видел впервые. В лесу по болотам было много другой ягоды, голубики (гонобобеля, как позднее говорила Ванина жена, отчего Ваня помирал со смеху, таким смешным казалось ему это не сибирское слово). За голубикой ходили организованно, всем отрядом и со взрослыми, чтобы не заблудиться. Байкальский лес, конечно, очень сильно отличался от того, что был в Ваниной деревне: смешанный, даже больше лиственный, какой-то беспорядочный, дикий, с завалами и бесконечными мшистыми кочками, пронзительным запахом можжевельника. На болотистых полянах изредка стояли голые обломанные стволы берез. По дороге приходилось переходить ветхий, но высокий горбатый мост из тоненьких жердочек, построенный, как говорили, еще декабристами. И запах болота, и мертвые березы, и мостик создавали ощущение нереальности, пронзающей сознание. Позднее похожие пейзажи Ваня видел в фильмах Тарковского. В один из таких походов небольшая кучка ребят с Ваней и Варварой немножко

увлеклась голубикой, заговорила, перестала оглядываться на всех и, в конце концов, отбилась от основной группы. Через пару часов солнце уже стало клониться к горизонту и ребята, подняв головы, вдруг обнаружили, что вокруг никого нет, они остались одни и нужно как-то возвращаться в лагерь. Конечно, испугались, заволновались, а некоторые даже и заплакали, но, побродив по лесу, неожиданно наткнулись на дорогу, которая, к счастью, была единственной в этих местах. По солнцу взяли нужное направление, и не торопясь пошли. Когда в лесу наступили вечерние сумерки, ребята вдруг увидели много бегущих им навстречу людей. Оказалось, что, когда основная группа вернулась в лагерь и выяснилось, что нескольких ребят не хватает, была объявлена тревога и все старшие отряды были высланы на поиск. Но только они успели выйти из лагеря, как наткнулись на потерявшихся. На следующее утро в лагере детей построили на линейку, а провинившихся поставили перед всеми и начали их ругать. Ваня в первый раз стоял перед линейкой, слушал, что о них говорят, но к себе это как-то не относил. Он понимал, что их ругают за вчерашнее, но в чем их вина – не понимал. Прошли положенные три недели и Ваня с Варварой вернулись домой. Как-то утром, когда родители ушли на работу, Ваня с Варварой выполняли мелкую домашнюю работу, на разные лады распевая песню. Голоса у обоих были крепкие, звонкие, и пели они слаженно, в свое удовольствие. И все бы ничего, но вся песня состояла всего лишь из двух слов, одно из которых цензор, будь он школьником, может, и пропустил бы, а взрослый – ни за что. Ваня с Варварой знали, конечно, значение этого слова, но бранный его смысл до них еще не доходил со взрослой прямоотой, потому пели мощно, широко, так, что слышно было и во дворе. Неожиданно залаяла Дамка, и они услышали, как кто-то поднимается по ступенькам дома. Дверь отворилась, и вошел их бывший пионервожатый, Валерий Семенович, с молодой девушкой. Оказалось, что Валерий Семенович приехал в Ванину деревню в гости к своей сестре и с ней решил навестить Ваню с Варварой, которые ему почему-то запомнились. Валерий Семенович с сестрой, войдя, обнаружили некоторое смущение, а Ваня с Варварой вообще готовы были провалиться сквозь землю. Но, однако, сели, поговорили, а когда гости стали уходить, Варвара предложила им на дорогу небольшой пакет с огурцами. Гости вежливо отказались и вышли, но Варвара, подумав, догнала их уже на улице и умудрилась все-таки впихнуть им свой подарок.

Глава IV. В ожидании перемен.

Шло время, и Ваня с Варварой доучились до старших классов. Ваню обучение не особенно затрудняло, наоборот, постепенно он стал чувствовать,

что ему немножко не хватает того, что учителя дают на уроках, особенно по физике и математике. И он стал рыться в библиотеке и заглаживать в книжный магазин, в надежде найти литературу, более содержательную, чем школьные учебники. Однажды ему сильно повезло: в книжный магазин поступил толстый том по элементарной математике, написанный профессором Московского университета. Ваня книгу, конечно, купил, и, занимаясь по ней последние два года школы, нашел очень много для себя интересного и нового. А вот аналогичной книги по физике не оказалось, и пришлось читать в основном научно-популярные книжонки, интересные, но Ване хотелось чего-то большего. Учителя в школе Ваню любили, но стали поглядывать как-то осторожно. Однажды в десятом (предпоследнем) классе Александра Николаевна, учительница математики, предложила на уроке решить задачу. Походив между рядами парт и с удовлетворением посмотрев, как работают ученики, она внезапно обратилась к Ване:

- Телегин, а ты почему не решаешь?
- Я уже решил.
- Как ты решил, если даже ручку в руки не брал?
- Я в уме решил.
- Ах, в уме, ну, тогда выходи к доске и рассказывай.

Пришлось Ване это сделать. Александра Николаевна молча выслушала и поставила пятерку.

Литературу Ваня тоже любил и читал все подряд, и, странное дело, ему все нравилось! Нравились авторы, которые, как позже выяснил Ваня, стояли на противоположных концах писательского рейтинга. Попадая через несколько лет в продвинутое в смысле знания литературы общество, Ваня с ужасом обнаружил, как не развито его собственное представление о ней. Оказалось, что некоторых нравившихся ему писателей и упоминать то было нельзя, разве что в уничижительном контексте. Справедливости, однако, ради следует сказать, что переоценка значимости того или иного писателя шла у Вани всю жизнь. И только в старости он очертил для себя сравнительно небольшой круг авторов и книг, которых только и стоило читать. И первой в этом списке стояла «Капитанская дочка» Александра Сергеевича Пушкина.

И только одно произведение, прочитанное в школе, вызвало у Вани отторжение, если не возмущение. Это «Крейцера соната» Толстого. Но причиной тому стал, по-видимому, Ванин возраст. В то время он относил не только сверстниц, но даже и женщин постарше к существам непорочным, как бы бестелесным вовсе, отказывая им в возможности иметь даже обычные физиологические надобности, и любой намек на их несовершенство в

Ванином понимании вызывал глубокое его неприятие. И тут Ваня встречается с описанием компании, разгульной и развратной, где женщины выглядели совсем не такими невинными, какими рисовались в его воображении. Нет, юный Ваня решительно не согласился с мнением великого старца!

Вообще в эти годы и позднее, когда Ваня уехал из дома, он как-то очень остро стал чувствовать «плохих людей». Ему казалось, что «плохой человек» выдает себя взглядом, голосом, даже походкой и очень удивлялся, когда другие не замечали этого. Скорее всего, эта Ванина чувствительность была реакцией на его собственную, еще детскую беззащитность в те годы: он входил во взрослую жизнь с неокрепшим характером, не отличаясь умением правильно понимать происходящее вокруг, еще не имея друзей (покровителей у него не было никогда), т.е. без всего того, что создает в человеке уверенность в себе. Отсюда и излишняя настороженность и даже подозрительность, которые Ваня ошибочно принимал за способность разбираться в людях. Еще позднее, утвердившись в жизни, Ваня как-то незаметно утратил эту «способность».

В отрочестве Ваня был впечатлителен и часто «падал в любовь», как говорят англичане. Первое увлечение настигло его лет в десять, когда он неожиданно почувствовал, что одна из девчонок класса как-то особенно ему приятна. У нее были голубые глаза, которые вдруг начинали искриться, когда она улыбалась, тоненькая стройная фигурка и светло-русые волосы. Потом Ваня влюбился в учительницу. Потом в другую, еще даже не учительницу, а только проходившую в школе преддипломную практику. Наконец, в старших классах дело дошло до как бы официальной дружбы с девочкой из их класса, дружбы, одобренной как малышкой, так и учителями. Однако легкости в общении с дамами Ваня так никогда и не научился. В присутствии же тех, кто ему нравился, все больше отмалчивался, и эта особенность замечательно сохранилась в нем на всю его жизнь, часто вызывая недоумение у знакомых.

В то время школа была самым красивым зданием в деревне. Длинная, в два этажа, из ставшего темно-коричневым от времени дерева, с узкой, рельефной кладки, вертикальной разделкой посередине из побеленного кирпича, школа стояла в центре села и несколько в глубине от дороги, а перед нею размещался обширный парк с большими тополями и разросшимися кустами. Недалеко от школы силами старших школьников построили спортзал, а на завершающем этапе, когда нужно было провести отделку внутри и снаружи, старшим оказался как раз Ванин класс. И пришлось Ване с одноклассниками осваивать профессию штукатура и половину лета применять ее на деле. А

осенью, когда строительство было завершено, всем ребятам-штукатурам, включая Ваню, на школьной линейке под удивленные возгласы ошарашенных малышей были торжественно вручены подарки невиданной в то время щедрости – наручные часы. Шли годы. Школа окончательно обветшала, и ее снесли, а на освободившемся месте поставили серое унылое здание банка. Школу же, и тоже в виде серой бетонной коробки, построили на обочине села, на бывшем стадионе, который почему-то стал ненужным. А еще через некоторое время в селе объявился щуплый чернявый мужичонка, невесть откуда взявшийся, немывтый и нечесаный, и отрекомендовал себя духовным отцом всех сельчан. По его инициативе спортзал, тоже ставший ненужным, был снесен, а на его месте воздвигнута церковь. Время, в которое Ваня учился в школе, посланник божий объявил мракобесием, и только теперь, по его словам, наступило просветление.

Всю зиму в десятом классе Ваня проходил, непрерывно кашляя от простуды. Он решил: так дальше жить нельзя. Пришло лето, стало жарко, и однажды июльским утром Ваня пришел в огород, зачерпнул в бочке ведро воды и вылил на себя. На следующее утро Ваня повторил процедуру. И так каждое утро. Вскоре жара спала, стало просто тепло, а потом и вовсе прохладно. Но Ваня не менял утреннее расписание. Воды в бочке уже не было, пришлось набирать ее в колодце. Наконец, наступило утро, когда Ваня, проснувшись, обнаружил за окном снег. Выйдя из дома, он помахал немного руками и попрыгал для разогрева, потом взял в руки ведро и раздетый, босиком, пошел к колодцу, набрал воды и вылил на себя. Растерся, как обычно, полотенцем, и постоял на солнышке. Отличное ощущение тепла, идущего изнутри, от молодой Ваниной крови! В январе, когда установились морозы под 40, Ваня, как ни в чем ни бывало, продолжал свои утренние экзерсисы. Мать, со страхом глядя на Ваню из узкой продушины в стене, сдавленным голосом кричала: «Ванька, заходи сейчас же, простынешь!». Но Ваня не слушался. Более того, осмелел настолько, что днем, раздевшись, стал демонстративно расхаживать босиком по двору, приговаривая: «Вот, посмотрите, даже дед Антон так не может!». На следующий год, когда Ваня оказался очень далеко от дома, он, хоть и пытался, не нашел возможности продолжать закаливание. Но даже той одной зимы ему хватило, чтобы лет до тридцати пяти жить, практически ничем не болея.

Закончился одиннадцатый класс. Ваня за учебу получил золотую медаль. На выпускном вечере учителя смотрели на бывших учеников уже почти как на равных. Некоторые учителя помоложе даже танцевали с выпускниками. Да и было с кем! Ребята в классе были рослыми, красивыми, о девчонках и

говорить нечего! К тому же, за годы учебы так привыкли друг к другу, что стали как бы своими. Уже под утро, когда светало, решили пройти по селу в последний раз вместе. Шли не торопясь, в один ряд, во всю ширину улицы. Было пусто, но около ворот одного из домов стояла старушонка в семейском сарафане и с любопытством вглядывалась в процессию. Вдруг лицо ее выразило крайнее изумление, она выкинула вперед руку и, тыча пальцем, громко вскричала: «В-о-о-о-й, гляньте, Ванька то!». Эта была бабка Авдотья.

А еще через месяц Ваня сел в Городе в поезд и впервые поехал из дома, далеко на Запад, еще не зная, как круто поворачивается его судьба.

Послесловие.

Прошли годы. Ваня выучился, обзавелся семьей, вырастил детей и сделал много чего еще. Но с некоторых пор Ваню часто стал тревожить один и тот же сон: он должен лететь домой, к родителям, но в последний момент обязательно происходит что-то, мешающее ему попасть в самолет. То билет пропадает, то какие-то необходимые вещи теряются, то такси застревает на полдороге в аэропорт. «Как же так?» - убивался во сне Ваня, «опять не смог попасть домой, туда, где его любят и ждут, надеются на него, и где его душе спокойно, как ни в каком другом месте на Земле». И Ваня просыпался с тяжелым камнем на сердце. Так продолжалось не один год. Поначалу Ваня думал, что тоска по ушедшим родителям и родным местам вызывают в темных закоулках его подсознания эти бередящие сердце сны. Но вот недавно Ване приснилось, что все, ничто больше не мешает, все преграды устранены, и он вполне способен вовремя приехать в аэропорт и сесть в самолет. Впервые он проснулся спокойным. Он понял, наконец, что на самом деле означает и этот сон, и этот самолет, и что он обязательно в него попадет, но спешить с рейсом нет смысла.